

роман грачев

ЯСНО ВИЖУ

Роман Грачев

Ясно вижу

«Издательские решения»

Грачев Р.

Ясно вижу / Р. Грачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907001-2

Михаил Некрасов не считает себя ни колдуном, ни знахарем. Он не наводит порчу и не передвигает предметы усилием воли. Он — обычный, просто видит и слышит чуть больше остальных. И он никогда бы не принял участие в телешоу «Ясновидящий», если бы не уговоры друзей. Оказавшись на съемочной площадке, Михаил понимает, что это не цирк, когда один из участников шоу начинает убивать. Изнанка «паранормального телевидения» оказалась слишком неприглядной... «Ясно вижу» — продолжение романа «...and action!»

ISBN 978-5-44-907001-2

© Грачев Р.
© Издательские решения

Содержание

Много букв от автора	6
Шоу начинается	8
Из дневника Екатерины Соболевой	8
Звонок	9
Кастинг	11
Тщеславие	18
О вреде хорошего звука	21
Рустам Имранович	22
Разминка	24
Из дневника Екатерины Соболевой	26
Рыба	27
Коридор	29
Игра в ящик	31
К черту сантименты!	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ясно вижу

Роман Грачев

Дизайнер обложки Роман Грачев

Редактор Роман Грачев

© Роман Грачев, 2018

© Роман Грачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-7001-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Много букв от автора

Однажды, бездумно листая список телевизионных каналов, я наткнулся на старый советский мультфильм, снятый задолго до полета первого человека в космос. Что-то про птиц, по Пришвину. В детстве мне такие мультики нравились больше всего, потому что они были хорошо прорисованы. Юной душе претили режиссерские эксперименты с пластилином, невзрачными куклами на шарнирах и игры со светом и тенью. «Ежик в тумане» – не моя тема.

Но вот беда: с годами старые фильмы, хранившиеся на целлулоидной пленке, приходили в негодность, причем сильнее всего страдала звуковая дорожка. Весь советский фильмофонд нуждался в серьезной реставрационной работе.

Тот мультфильм, на который я наткнулся, был полностью переозвучен. Музыкальные партии были сыграны на какой-то полудомашней «расческе» типа «Casio», а реплики персонажей наговорили другие актеры. Да, фильм выжил, и теперь, в цифровом формате, без потерь перенесет ледниковый период. Но вот голоса Георгия Вицина жалко. Как писал О'Генри, песок – неважная замена овсу.

Но оставим в стороне чисто техническую сторону вопроса.

Многим создателям художественных произведений – фильмов, музыки, книг – иногда приходится возвращаться к своим детищам даже спустя годы после их выхода в свет. Например, Джордж Лукас к юбилею саги «Звездные войны» подготовил роскошное издание на blu-ray, существенно переработав некоторые сцены. Джеймс Кэмерон с наступлением эры 3D повторно выпустил на экраны легендарный «Титаник», прибавив к уже собранной кассе еще триста свежих миллионов долларов. Музыканты сплошь и рядом переписывают свои старые вещи, добавляют и удаляют целые инструментальные партии, вызывая тем самым негодование привыкших к классическому звучанию поклонников.

Что касается писателей, то и у них хватает своих причуд. Максим Горький был недоволен повестью «Фома Гордеев» настолько, что решил переписать ее от начала и до конца. Лев Толстой, чемпион по переделкам, рассказывал друзьям, что не перечитывает ничего из своих уже законченных вещей, потому что как только попадется ему на глаза любая страница, так сразу хочется ее переделать. Стивен Кинг при повторном издании «Противостояния» вернул в текст все ранее вырезанные редакторами главы, в результате чего старый-новый бестселлер вышел уже в двух томах.

Примеров – множество.

Роман, который вы держите в руках, не отличается свежестью. Впервые он вышел в 2009 году в издательстве «АСТ» под названием «Ведьма» и под авторством Сергея Асанова (еще одна моя ипостась). Он замыкал трилогию «Экстрасенс-детектив». Большого резонанса приключения молодого парня с паранормальными способностями не вызвали – без серьезных маркетинговых мероприятий дебют в «большой литературе» никому не известного автора был обречен. Небольшой тираж, короткая жизнь и категория «букинистическое издание» в интернет-магазинах – вот и весь итог моей первой попытки восхождения на Эверест.

Но не пропадать же добру!

Когда права на трилогию вернулись ко мне, я решил вдохнуть в эти романы новую жизнь. Второй том, «Тринадцать», лег в основу одного из романов детективной серии «Томка», а первый, «Экстрасенс», я переиздал под названием «...and action!».

И вот – «Ведьма». С момента выхода я не перелистывал ее ни разу. Как оказалось, правильно делал. Отлежавшись под спудом лет, роман заиграл какими-то сумасшедшими красками. Телевизионное шоу настоящих экстрасенсов – не безумие ли!

Когда-то в существование таких людей я верил больше, чем сейчас, и несколько сезонов реально существующего телешоу просмотрел не отрываясь (собственно, на этом настояли

и мои издатели, желавшие привязаться к конъюнктуре). С одним из победителей мне впоследствии довелось встречаться лично во время его визита в Челябинск. Выяснилось, что человек, общавшийся в кадре с духами и угадывавший содержимое «черных ящиков», не любит вспоминать о своем участии в программе. Сейчас он пишет книги, читает лекции, передает людям знания о сути бытия и на титул волшебника никак не претендует (впрочем, пару «трюков» после интервью он все же показал).

Стал ли я за прошедшие годы скептиком? Нет. Я по-прежнему смотрю и читаю ужасы и мистику, люблю послушать рассказы о «черной руке в черном доме» и уверен, что есть на свете люди, способные с первого взгляда определить наличие у тебя порочащих связей. Поэтому роман «Ясно вижу», бывшую «Ведьму», я готовил к изданию с большим удовольствием.

Независимо от того, верите вы в существование экстрасенсов или нет, давайте представим ненадолго, что все было так, как описано в книге. Точнее, могло быть. По большому счету, эта история не про волшебство, она – про людей.

Кроме того, это просто весело.

Шоу начинается

Из дневника Екатерины Соболевой

20 июня 2008 года

«Привет, дневничок-старичок! Извини, что до сих пор обращаюсь к тебе как маленькая девочка. Пока не могу отвыкнуть. Сегодня мне исполнилось шестнадцать! Ну, ты и сам в курсе должен быть, правда? Я слушаю твои поздравления... о, спасибо, дорогой, я знала, что только ты и есть мой единственный и настоящий друг! Я знаю, что, наверно, все девочки в мире в шестнадцать лет пишут в своих дневниках, что мама и папа их не понимают, что милого друга нет и не будет, но, знаешь, это ведь действительно так. У меня, по крайней мере. Сколько себя помню, меня предки ограничивали во всем: возвращаться домой в девять, хотя подружки-одноклассницы тусовались во дворе до одиннадцати; подарки я всегда получала скромные, не дороже тысячи, и мне всегда говорили, чтобы я вела себя скромно и не забывала, как эти деньги зарабатываются. Забудешь тут, как же! Мама все время жалуется, что денег нет и не будет, потому что папа никак не может поговорить с начальством...

Прикинь, вчера я подслушала их разговор на кухне, это просто кошмар! Папа ничего не может ей ответить, она просто его носом по батарее возит... Я знаю, что он добрый и мухи не обидит, что он никогда не станет воровать, подлизываться или подличать – но неужели это такое уж преступление?! Разве это плохо? Почему когда человек кусается и толкается локтями, его называют мужиком, добытчиком или бог знает кем еще – короче, суперменом, а когда человек порядочный, честный, добрый – его обязательно обзовут тряпкой? В каком мире мы живем, дневничок?...

Сегодня мне подарили гитару с роскошными акустическими струнами. Точнее, не сегодня, а седьмого марта, и тогда мама сказала, что пусть это будет тебе подарком на день рождения. Ты понял, да, дневничок?! Йо-майо три раза! На Восьмое Марта и на день рождения! Можно было еще и ко дню защиты детей привязать, и к Новому году.

Плакать хочется. Убежать куда-нибудь хочется, уехать, улететь, уплыть... Вот если бы мне еще прекрасного принца на дороге встретить – он бы мне помог, он бы меня поддерживал, но наши местные пацаны, ты сам знаешь, на принцев не тянут. Дураки они и выпендрожники...

Эх, дорогой... спать пойду. Пока, до завтра! Целую (извини, целовать больше некого). Пока-пока-пока.

Звонок

Две недели без телевидения! Всего несчастных четырнадцать дней без запахов съемочного павильона, без судорожных перекуров на лестнице, литров кофе и чая в аппаратной, без утренних летучек у Соколовского («да продлятся годы его!» – говоришь с подострастием в присутствии свидетелей), на которых ты чувствуешь себя и гением телевидения, и многообещающим перспективным юношей, и безнадежным говнюком одновременно. Четырнадцать дней без нудного замера рейтингов, долей, процентов, без констатации провалов и успехов, без истерик и соплей по поводу бегства зрителей на «Танцы со звездами». В конце концов, четырнадцать дней без вонючего города, который начинаешь любить только после столбика с табличкой «200 км»! О, счастливые четырнадцать дней, будьте вы прокляты за свою редкость и мимолетность!

Впрочем, можно посмотреть на это с другой стороны: за два года выходит двадцать восемь дней, за три года – сорок два, за пять – уже семьдесят, а если суммировать время отпуска за десять лет, то получается и вовсе неприличная цифра, за которую Соколовский имеет полное право распять тебя на микрофонной стойке в павильоне. Сто сорок дней, или четыре с половиной месяца! Практически пенсия! Проблема только в том, что за десять лет такой жизни можно если и не сдохнуть, то запустить необратимые процессы в своем воспаленном мозгу.

Евгений Ксенофонтов работал в телекомпании «Неон-ТВ» пять лет. Из них последние полтора выполнял обязанности режиссера, и, в свою очередь, ровно год из этих полутора он занимался проектом «Ясновидящий». В мониторах перед его глазами пронеслось около трех тысяч гоблинов, считавших себя экстрасенсами, колдунами, лекарями, хирургами, английскими шпионами, умеющими разговаривать с камнями, и прочих незаурядных личностей, существующих в природе в единственном экземпляре. Из них для шоу отбирались только десять человек, и вот эти десять уже всерьез боролись за главный приз, распутывая подброшенные жизнью и продюсерами задания. Действительно, лишь единицы из всех этих красавцев действительно что-то умели, но Женя не верил даже членам финальной десятки. Он не сомневался, что во время работы над проектом кто-то из съемочной группы сливал участникам информацию.

Однажды он попытался поговорить об этом с продюсером реалити-шоу Маришкой Садовской. Та его внимательно выслушала, чиркнула зажигалкой (дело было во время перекура во внутреннем дворе телецентра) и глубокомысленно изрекла:

– Без слива в нашем деле ничего не получится.

– В смысле?!

Маришка сделала томную затяжку. Она курила длинные ментоловые сигареты, сама была длинная и худая, как топ-модель, и каштановые волосы у нее тоже едва не доходили до попы... и над ответом она могла размышлять так долго, что ты забывал суть вопроса.

– Я допускаю, что кто-то сливает экстрасенсам задания, – выдохнула полусонная фурия, – и если я его поймаю, сначала оторву уши, а потом дам премию! Понимаешь, в чем штука...

Она снова затянулась. В такие минуты Женя готов был ее убить. Он уже решил, что обязательно сделает это, когда они в следующий раз сольются в экстазе в ее роскошной спальне. Он придет к ней, как обычно, под вечер, уставший, замученный, с «Мадам Клико» и «Фереро Роше»... и опустит бутылку ей на голову!

– Стукачи нам на пользу, – закончила свою мысль Маришка. – Они корректируют драматургию. Если бы мы полагались только на высшие силы, наше шоу не получало бы таких цифр от «Гэллапа».

– Да вертел я твоего Гэллапа с его цифрами! – горячился Евгений. – Я их и так видеть не могу, да еще и думать, что они наверняка мошенники.

Маришка в ответ лишь молча послала ему губами воздушный поцелуй, и Женя понял, что ничего путного от продюсеров не добьется. Остается просто делать свое дело и ждать короткого летнего отпуска.

О, эти четырнадцать дней, проведенных без Маришкиной ласки! Проклятые четырнадцать дней! После каждой своей отлучки из задымленного мегаполиса Женя давал себе клятву, что ни за что не вернется в телекомпанию и никогда не позволит этой ненасытной разведенной фурии прикоснуться к нему. Безумная гонка, интриги, слухи, стукачи, нескончаемая драка за цифры рейтингов и домогательства Садовской по вечерам – на это он тратит лучшие годы своей жизни?!

С другой стороны, когда она затаскивает его к себе в спальню, он пропадает. Он теряется, не может найти не только свои носки, но и себя самого, и уже не помнит, чего хотел, кого любил, кого ненавидел и почему хотел сбежать. Кажется, Маришка сама могла бы участвовать в шоу «Ясновидящий», но ей всегда больше нравилось быть кукловодом, чем марионеткой.

В этом году Женя выгреб свои четырнадцать дней в августе. 15-го числа должен начаться кастинг нового, третьего по счету, сезона реалити-шоу, и главреж должен быть на месте – рядом с Маришкой Садовской. Он будет вдыхать ее ароматы и слушать очередного фрика, уверенного в своем неземном происхождении.

Утром 12 августа в его квартире раздался телефонный звонок. Он только что принял душ, ходил по гостиной в одних трусах и с полотенцем на плече.

– Аллю!

– Здравствуйте, – поприветствовал его женский голос. – Евгений Ксенофонов, если не ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь. – Женя бросил полотенце в кресло. – Кто говорит и чем могу?

– Меня зовут Людмила. Фамилия вам ничего не скажет. Пока не скажет.

– Ну, слушаю вас, Людмила.

– Я знаю, как вам помочь.

– Что? Кому помочь? Зачем?

– Вам. У вас неизбежно возникнут проблемы.

Евгений фыркнул.

– Какие? Зачем вы звоните? Вы кто вообще?

– Я – ваша единственная надежда.

Женщина глубоко вздохнула...

...а у Евгения закружилась голова. Веки его сомкнулись, левая рука ослабла, и он грохнулся в кресло как подкошенный. Телефонная трубка по-прежнему была зажата в его ладони возле уха. Голос Людмилы он слышал словно сквозь стену:

– Евгений, вы куда пропали?..

Кастинг

- Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста.
- Добрый день. Михаил... кхм... Михаил Некрасов. Двадцать пять лет. Преподаю историю в педагогическом университете. Не женат, детей не имею, спортом не увлекаюсь.
- Все понятно. Итак, Михаил, что вы?...
- Всё.
- Что, простите?
- Я умею все.
- В смысле?
- В прямом. Читайте по губам: я-умею-все.
- Давайте тогда от слов перейдем к делу. Попробуем что-нибудь показать?
- Давайте. Что вы хотите?

Они сидели в очень маленькой комнате без окон, обтянутой черной материей. Из мебели – стол с двумя стульями, из освещения – мощная настольная лампа и два прожектора под самым потолком. По другую сторону стола – молодая девушка, ассистент режиссера и телекамера.

Это кастинг реалити-шоу «Ясновидящий».

Девушка положила на стол три конверта из плотной бумаги. В одном из них по условиям конкурса пряталась фотография известной артистки эстрады. Михаил размышлял не больше десяти секунд. Он указал на конверт, в котором действительно лежала фотография. В качестве «известной звезды эстрады» фигурировала какая-то девочка не то с «Фабрики звезд», не то из «Минуты славы».

- Кто это? – спросил Миша.
- Вы не знаете?
- Нет.
- Ничего страшного. Идем дальше?
- Давайте.

Девушка-экзаменатор выложила на стол брелок с двумя ключами – от машины и, очевидно, гаража.

– Можете сказать, кому они принадлежат? Что это за человек? Каковы его привычки, склонности?

Михаил уставился на ключи, склонив голову в бок, как собака. Затем приложил пальцы к левому виску, начал плавные круговые движения. Задание было чуть посложнее, чем с фотографией, но он и не таких быков в банку загонял. После жуткой истории с видеочамерой журналиста Виктора Вавилова¹ ему вообще казалось, что в карьере экстрасенса он уже миновал стадию цирковой обезьянки. Однако девчонка, что сидела сейчас перед ним, упорно навязывала ему эту роль. Впрочем, ей простительно: за минувшие полгода она пропустила через себя пару тысяч «обезьянок». Впору сойти с ума.

- Итак, Михаил?
- Ну, что я могу сказать, – начал тот неуверенно, как будто процесс «сканирования» все еще продолжался. На самом деле он уже получил всю необходимую информацию и размышлял теперь о другом: стоит ли озвучивать то, что он увидел?
- Все, что можете, – великодушно подбодрила девушка.
- Уверены, что хотите это слышать?

---

¹ Впервые экстрасенс Михаил Некрасов появляется в романе "...and action!». Журналист Виктор Вавилов – его первый неофициальный «клиент».

– Почему бы и нет? Это вы пробуетесь на шоу, а не я.

– Как хотите. – Миша взял ключи в правую руку. – Это женщина. Хозяйка ключей живет одна. И спит одна, к ее великому сожалению. Возраст – от двадцати пяти до тридцати лет. Машина новая, куплена в кредит, выплачивать который с каждым месяцем все сложнее. Причину сложностей точно не вижу, но это не из-за зарплаты. Заработная плата у девушки как раз сохраняется на прежнем уровне и даже немного подросла за последние... последние пять-шесть месяцев, так скажем. Видимо, проблема в том, что появились неожиданные траты, которые хозяйку ключей очень расстраивают. Деньги уходят не туда, куда ей хотелось бы их направить. Мне продолжать?

– Кхм... попробуйте. – Девушка отодвинулась от стола и спряталась в тень. Михаил теперь не мог видеть выражение ее лица.

– Я не буду пробовать, я буду рассказывать, а вы меня остановите, когда сочтете нужным. Итак, как я уже говорил, девушка живет одна. Она была замужем. Муж... – Миша сделал паузу, чтобы изобразить хоть какое-то усилие и не вызвать подозрений в шарлатанстве. – Так, мужа нет в живых, но не могу сказать, что он умер в браке. Они развелись из-за его проблем с алкоголем, а чуть позже он скончался... или погиб. В любом случае, причина смерти заключается в его пагубном пристрастии. Он мог замерзнуть где-нибудь после ресторана, не суть важно. Идем дальше. У девушки очень большие амбиции, но для их реализации чего-то постоянно не хватает. Скорее всего, дело в ее нерешительности и в неверии в собственные силы. Зарплату ей, конечно, поднимают, но, как говорится, на одну зарплату не проживешь, нужно еще получать моральное удовлетворение. А вот с удовлетворением у хозяйки ключей как раз не очень-то получается. Но могу сказать, что рано или поздно все наладится.

– Вы думаете?

– Да. И это я говорю не как ясновидящий. Нужно уметь ждать. И еще девушке не стоит обвинять в своих неудачах ни коллег, ни родных, ни друзей с подругами. Во-первых, это неразумно, а во-вторых, отнимает много сил и отвлекает от сути. Достаточно?

– Вы не сказали главного, – произнесла экзаменаторша. Она по-прежнему пряталась в тени.

– Разве? Что же это?

– Марка машины.

Михаил улыбнулся. Он убедился в правильности своих выводов и понял, что перед ним сидел человек, привыкший обижаться на зеркало.

– С машиной все просто, – сказал он, поднимаясь из-за стола. – Это что-то вроде «Матиза», но не так банально. Думаю, «Витз» или «Спарк»... нежно голубого цвета. Еще есть вопросы?

– Нет, спасибо. Вам позвонят.

– Не стоит благодарностей. Всего доброго.

Когда Михаил вышел из комнаты, задержав за собой портьеру, девушка шустро смела ключи со стола.

– Эй, вы! – крикнула она в сторону. – Все, что он сказал, вранье! Понятно вам? Все, кроме марки машины!

– Да мы уже поняли! – рассмеялся кто-то у нее за спиной.

Михаил был разочарован. Покидая здание телекомпании «Неон-ТВ», он думал, что, возможно, погорячился, принимая решение участвовать в шоу. Дело ограничится бегом по манежу, и серьезной работы ему здесь не видать. Может, поймает пару насильников, а дальше?

Он был уверен на сто процентов, что ему позвонят, и он уже решил, что отклонит предложение.

Муж 28-летней Ирины Королевой действительно отдал богу душу, и все было почти так, как и рассказал этот выскочка-экстрасенс! Он закладывал за воротник регулярно, едва появлялись лишние деньги, а «лишними» он считал все, что удавалось утаить от домашней жандармерии. Кто-то тратит такие деньги на голубей, кто-то на женщин, а этот почти бесполезный для общества субъект предпочитал уничтожать свою печень. В чем и преуспел. В конце концов, она подала на развод, а он не стал возражать. После того, как неудавшийся свободный художник, самым высоким достижением которого было оформление рекламы городской сети супермаркетов, наконец покинул ее квартиру, доставшуюся в наследство от бабушки, она его больше и не видела. Спустя два года она узнала, что бывший муж уснул пьяный с сигаретой в зубах и спалил свой садовый домик вместе с собой и собутыльником. На пожарище обнаружили лишь его неведомо как уцелевшие ботинки сорок второго размера и граненый стакан. Ни надгробной плиты, ни эпитафии, ни булочек с блинчиками на поминках – суровый финал забытого обществом российского алкоголика.

Она поплакала, как и подобает типичной русской женщине, готовой жалеть всякую зверушку, а потом подумала, что совесть ее все-таки чиста, ибо она сделала все, что могла. Надо было продолжать жить – и жить, по возможности, хорошо и даже припеваючи. Ведь она молода и симпатична!

В телекомпании заметили ее рвение, подкинули новую работу – она стала ассистентом на проекте «Ясновидящий». Вот уже третий сезон она работала с участниками реалити-шоу: выслушивала ругань нервных продюсеров, в частности, этой нимфоманки Маришки Садовской, гоняла гримеров, костюмеров, осветителей. Попивала коньячок с режиссером после тяжелого дня. Купила машину – это действительно был голубой «Спарк» – обставила квартиру, стала приглядываться к неженатым мужчинам. Словом, жизнь как-то стала налаживаться, и Ирина уже подзабыла, с чего все начиналось (а начиналось все, увы, с дешевых колготок, хот-догов и зубрежки учебников в самой маленькой комнате бабушкиной квартиры – точнее, в кладовке, замаскированной под комнату).

И вдруг этот суровый приговор от незнакомого человека.

Но об этом не хочется думать. Да и некогда – надо работать.

Ирина перекурила, выпила кофе, поболтала с операторами. Потом вернулась в маленькую черную комнату.

- Сколько у нас еще народу? – спросила она в темноту.
- Человек тридцать, – донеслось сверху.
- Господи, дай мне сил.
- Не дам.
- Да пошел ты...

Прошел час. Пошел второй. Лица, руки, голоса, уверения, требования, мольбы, обещания и даже угрозы. Ирина думала, что этот сезон будет у нее последним, потому что она больше не выдержит. Каждый из претендентов на место в шоу пытался что-то с ней проделать – снять головную боль или венец безбрачия, заговорить от несчастий, наколдовать на богатую жизнь – и каждый уверял, что ему мешают предыдущие посетители черной комнаты. Они, дескать, оставили здесь много своих следов, стерли всю информацию, поэтому ничего нельзя сделать. Только трое из двадцати с лишним человек сумели найти фотографию в одном из трех конвертов и только пятеро сумели рассказать хоть часть правды о владельцах предложенных предметов (свой собственный брелок с ключами Ирина на стол больше не выкладывала).

Когда в коридоре осталась только одна женщина, группа кастинга была уже на последнем издыхании.

Ирина посмотрела на часы.

– Ребят, уже три минуты пятого! Может, ее отправить и сказать, что она не успела!

– Да прими уже, не ленись. Может, Садовская премию выпишет.

– Ага, держи карман шире! – Ирина вышла из-за стола, покрутила головой, разминая затекшую шею, потрясла руками, немного поприседала, подтянув джинсы на коленях.

– Старость не радость. Ладно, зовите.

В комнату, медленно и с аристократическим изяществом отогнув полог, вошла дама. Вместе с ней вошло Нечто... Ирина не поняла сразу, что это, но она почувствовала это Нечто даже не обонянием – поджилками.

«Надо было закончить кастинг десять минут назад!», – подумала она, пытаясь улыбнуться.

На вид вошедшей даме, одетой в элегантное черное платье до колен, было лет сорок – сорок пять, но, похоже, возраст вообще не являлся для нее сколько-нибудь определяющим фактором. Очевидно, что и в 50—60 она будет выглядеть точно так же. Лицо ее было свежо и приветливо, как у прибежавшей с мороза Снегурочки, в глазах прыгали озорные чертики, губы словно готовы были растянуться в благодушной улыбке, но ни у кого, кто видел сейчас эту даму живьем или в мониторах за стенами комнаты, не возникло сомнений, что в комнату вошла абсолютная и безоговорочная победительница очередного сезона реалити-шоу «Ясно-видящий»... который еще даже не начался!

Не дождавшись приглашения, дама присела за стол, положила на край перчатки, размяла холеные пальчики и с ожиданием уставилась на экзаменаторшу.

– Здравствуйте, – выдавила Ирина, пытаясь собраться.

– Добрый вечер, – сказала женщина. Голос был приятный, глубокий, как у школьного педагога.

– Представьтесь, пожалуйста.

– Меня зовут Людмила Кремер. Мне сорок три года, я юрист, консультант в кадровом агентстве. Закончила политехнический институт, как он тогда назывался, имею...

Пока она излагала свою краткую биографию, Ирина Королева, едва не зажмурившись, читала по памяти стихи про громко плачущую Таню и ее мячик – совет, который ей дал психолог проекта Владимир Пивоваров. Если не читать стихи, можно войти в транс. Конечно, вряд ли кто-то из претендентов рискнет уже на стадии кастинга использовать гипноз или другие штучки-дрючки, но от «иных наших братьев, девочка моя, надо все равно стараться держаться подальше или хотя бы учиться загоразживаться от их негативного влияния». Так ей сказал Пивоваров, а он знал толк в «штучках-дрючках».

Увлечшись Агнией Барто, Ирина не сразу заметила, что Людмила уже закончила презентацию и ждет дальнейших вопросов.

– Спасибо. – Ирина забыла, какое задание хотела предложить. Неужели этот смех со спрятанной фотографией? Да оно ей на один укус, как этому парню, Некрасову!

Аналогии с Михаилом, который покинул студию пару часов назад, напрашивались сами собой. Ирина была уверена, что эти двое займут центральное место в шоу. Конечно, окончательное решение будет принимать Садовская, но от очевидного та не сможет отмахнуться.

Пауза затягивалась. Людмила терпеливо улыбалась.

– Людмила, перед вами... перед вами брелок с ключами от машины. Кому они принадлежат? Что это за человек? Каковы его привычки и пристрастия? Что вы вообще можете сказать?

Ирина ничего не могла с собой поделать. Играть так играть.

– Что ж, – сказала черная дама, перебирая связку. – Я попробую. Но заранее прошу у вас прощения за все, что вы услышите.

– Конечно. Расскажите все, что видите.

– Я все вижу.

– Хорошо.

– Вы уверены, что хотите это услышать?

Людмила Кремер почти в точности повторила Михаила Некрасова. Их монологи разошлись лишь в деталях.

Отснятый материал смотрели на следующий день. На длинном кожаном диване в комнате отдыха сидели продюсеры Маришка Садовская и Петр Калинин, режиссер проекта Евгений Ксенофонтов, его ассистентка Ирина Королева. В персональном кресле покоилось тучное тело генерального директора канала Семена Соколовского, человека, далекого от сантиментов, но способного считать дивиденды от этих сантиментов. Он на дух не переносил «всю эту мистическую шаурму» вокруг колдунов, считал ее проявлением человеческой глупости. Однако он не мог не видеть, что люди *это смотрят* каждое воскресенье, как зомбированные, создавая вкусные цифры для рейтингов, а стало быть, *это можно и продавать рекламодателям*. Он мог бы и не присутствовать на просмотре отснятого материала, но Семен Соколовский имел одну нехорошую особенность: он не до конца доверял своим молодым сотрудникам, особенно тем, чья карьера стремительно неслась вверх. Продюсеры Калинин и Садовская, поднявшие реалити-шоу «Ясновидящий» практически с нуля, могли слишком быстро поверить в свою непогрешимость.

Перед аудиторией стояли большой плазменный телевизор с плеером и стеклянный столик с фруктами, соками и большой хрустальной пепельницей. Садовская, не сводя глаз с экрана, делала пометки в блокноте, Ирина Королева, в свою очередь, не сводила глаз с Садовской. Женя Ксенофонтов, все еще мыслями остававшийся на берегу Байкала, где он две недели рыбачил с друзьями отца, смотрел на потенциальных «ясновидящих» с изрядной долей скепсиса. Перед началом просмотра он уже высказал мысль, что с каждым новым сезоном экстрасенсы все больше напоминают беженцев из Средней Азии, окопавшихся на Казанском вокзале, и теперь всем своим видом пытался показать, что был прав.

О чем думал Большой Босс, куривший дорогие сигареты и стряхивавший пепел на ворсистый ковер, не смогли бы угадать и сами экстрасенсы.

Через полчаса Садовская остановила запись, бросила на стол авторучку и потянулась.

– Так, братья и сестры, что мы имеем? Куча кретинов, которые не пройдут даже через первое отборочное испытание. Даже если кто-то и проскользнет, во втором туре отвалятся как родинки после жидкого азота. Королева, там свет в конце тоннеля вообще есть?

Ирина демонстративно сморщилась. Ей не нравилось, когда ее окликали по фамилии, и Садовская, курва, это знала.

– Там есть два потрясающих кадра. Молодой парень и женщина. Они вдвоем сделают это шоу, остальные пойдут статистами.

Садовская не успела ответить. За нее это сделал генеральный директор.

– Барышни, – многообещающе начал он, и кожа кресла под его задом громко возмутилась, – я, конечно, сделаю вид, что ничего не слышал об этих ваших статистах и прочей шаурме, но если мне мои друзья в бане скажут, что «Ясновидящий» сдулся, я вам этого никогда не прощу. Размеры моего непорочения вам лучше не представлять. Как минимум всех сошлю в Законодательное собрание на освещение нацпроектов.

– Не надо, – сказала Садовская.

– Сам не хочу. Ладно, давайте крутите свое кино дальше. И побольше оптимизма!

Садовская сняла плеер с паузы.

Смотрели еще полчаса. Оптимизма в кадре больше не стало, но перспектива протирать зады в фойе местного парламента вынуждала смотреть на мир более радужно. Даже Петр Калинин, имевший привычку поднимать на смех любые начинания своей напарницы Садовской, на этот раз воздержался от комментариев.

Пришло время Михаила Некрасова. Ирина приосанилась.

– Вот этот парень, о котором я говорила.

Испытание Михаила смотрели в гробовой тишине. Даже Соколовский перестал ерзать. Петр Калинин так и просидел несколько минут со вскинутой вверх левой бровью, а Женя Ксенофонтов оставил свои мазохистские воспоминания о Байкале. Экстрасенс Михаил (а в том, что это настоящий экстрасенс, никто не сомневался) без труда держал внимание аудитории.

Когда он ушел из черной комнаты, Садовская снова остановила запись. Она сделала пометку в своем толстом, похожем на строительный кирпич, блокноте, и оглядела окружающих с таким торжеством, словно именно ей принадлежала честь открыть новую звезду для рынка телевизионных фриков.

– Ну, что прищурились! Выше нос, все у нас получится. Королева, там еще есть что?

– Я уже говорила.

– Повтори, если тебе не трудно.

– Мне не трудно. – Ирина приклеила к губам фальшиво-подобострастную улыбку, а сама подумала, что как только закончатся съемки третьего сезона, она положит на стол генерального директора заявление об уходе. А потом, когда Соколовский его подпишет, она вытащит из жестяной вазы в курилке пожухлые прошлогодние цветы и опустит эту вазу на голову Садовской.

– Перемотай на полтора-два часа вперед. В самый конец.

Садовская нажала кнопку на пульте. На экране, как в кинохронике позапрошлого века, забегали смешные люди. Они размахивали руками, прыгали, делали какие-то странные пасы, и даже при такой скорости перемотки было понятно, что больше ничего интересного во время кастинга действительно не произошло.

Запись добежала до конца.

– Стоп! – крикнула Ирина.

На экране Черная Дама Людмила Кремер как раз приступила к рассказу о главных вехах своего жизненного пути.

Соколовский сказал «О!».

Ирина Королева сначала отвернулась, а потом просто зажмурилась, втянув голову в плечи.

Женя Ксенофонтов замер с раскрытым ртом.

Петя Калинин закрыл глаза.

А Садовская выключила телевизор.

– Ффу, – выдохнула она, протягивая руку за сигаретой. – Не надо ее на проекте, я вас умоляю. Мы все свалимся с мигренью уже после первой программы. Как думаете, Семен Семеныч?

Все обратили свои взоры к Соколовскому. Коллективный разум съемочной группы «Ясновидящего» безмолвно протестовал против пропуска загадочной дамы через сито отборочного тура, но у Соколовского было право вето на любое коллективное решение.

– Семен Семеныч!

Соколовский молчал. Одной рукой он тарабанил пальцем по подлокотнику кресла, а другой почесывал щеку. На скулах уже пробивалась трехдневная рыжеватая щетинка, и даже сидевшему в отдалении Петру Калининну казалось, что он слышит, как она скрипит под ногтями.

– Поделитесь соображениями? – осторожно предложила Садовская. – Лично я считаю, что здоровье дороже рейтингов. Рейтинги завтра забудутся, а профессионалы на улице не валяются.

– Бывает, что и валяются, особенно после праздников, – буркнула Ирина Королева, но ее шутку никто не оценил.

Соколовский глядел куда-то в окно на качающиеся ветви березы. Пауза уже выглядела – вернее, звучала – довольно глупо. Когда всем показалось, что имеет смысл ущипнуть босса за ляжку или поводить перед его носом флаконом нашатырного спирта, тот, наконец, подал голос.

– Она останется.

Интонация Соколовского не допускала возражений.

– Она останется и дойдет до финала, – добавил босс, поднимаясь с кресла. – Обеспечьте ей финал любой ценой. Можете считать это приказом, невыполнение которого влечет автоматическое увольнение.

Он рассеянно оглядел собравшихся, словно капитан Смит, отдавший последнее распоряжение радистам «Титаника», и вышел.

Ребята переглянулись.

– О как! – сказала Садовская. – Уже можно делать «ку»?

Тщеславие

Михаил Некрасов принял решение участвовать в этом блошином цирке (ему самому больше нравилась ассоциация с цирковыми обезьянками) под влиянием речей одного знакомого. Тот преподавал русскую литературу в том же университете, где работал Михаил, и обладал редким даром убеждения. Он умел нажимать на тайные кнопки, спрятанные в густых складках человеческой психики, и стоило признать, что стервец пользовался у студентов не меньшей популярностью, чем сам Миша. Звали его Володя, фамилия его была Капустин, и хотя лет ему было уже не так мало, волосы он носил длинные, почти до плеч, брился только по праздникам, а на шею таскал наушники от плеера.

Разговор произошел в начале августа. Они случайно пересеклись в пустующем по случаю летних каникул деканате, поболтали с молоденькой секретаршей, а потом Володя затащил Михаила в бистро на проспекте Ленина напротив института – в то самое, где Миша недавно съел первый гамбургер в компании своей возлюбленной студентки Елены Хохловой – и с остервенением, достойным лучшего применения, начал нажимать на кнопки:

– О твоих разборках с Саакяном шепчется весь институт. Думаешь, никто ничего не видит и не слышит?

– В смысле?

– Да в том самом смысле! Вот скажи, о чем я сейчас думаю?

Миша нахмурился. Это была слишком бесцеремонная просьба. Из него упорно хотели сделать шимпанзе.

– Что ты имеешь в виду? Хочешь сказать, что я умею читать чужие мысли?

– Нет, я хочу сказать, что ты бомбила с Нижнего Тагила! Не делай такое тупое лицо, тебе не идет.

Миша нахмурился еще сильнее.

– Кто в институте болтает?

Володя хихикнул.

– Да Саакян же и болтает! Ты же знаешь этого тщеславного ублюдка. Мало того, что он сам на каждом углу сверкает своими цацками, так еще и тебя к себе притянул. Дескать, вот смотрите, каких мы орлов воспитали!

Миша крикнул. Несмотря на способности, некоторые вещи от него все же ускользали, и одна из таких вещей – институтские сплетни. Наверно, все дело в том, что он никогда не склонен был их искать. Но, черт возьми, выясняется, что сплетни игнорировать никак нельзя, особенно если ты работаешь в большом дамском коллективе и особенно если ты – экстрасенс.

Саакян – титулованный седовласый негодяй, которому некуда больше приложить свои неординарные таланты, которому надо чем-то развлекаться, чтобы держать себя в тонусе. Кроме того, он действительно безумно тщеславен. Несколько лет назад он был преподавателем Михаила, и вражда началась уже в те относительно беззаботные времена, когда Мишка протирал штаны в аудиториях и создавал себе репутацию молодого человека, которому под силу все – от наук и искусств до подметания листвы на институтском стадионе. Закончив вуз, Мишка без проблем был зачислен в местную же аспирантуру и стал преподавать историю, и два экстрасенса автоматически стали коллегами. У обоих – немалые возможности (профессор Саакян к тому же действительно носит титул Магистра каких-то таинственных наук, который он отхватил в Европе – наверняка дал взятку!), у обоих – твердый характер и стальные нервы.

Первое столкновение лбами произошло из-за женщины – очень симптоматично, кстати. Саакян любит молоденьких студенток, и одну из них Мишка буквально вырвал из его потных объятий, так что теперь ни о какой дружбе между ними быть не может. Двум таким монстрам никогда не играть в одной песочнице, они – как два Горца, коротающие бесконечно долгую

жизнь в стенах обычного научного учреждения. Впрочем, время выяснять, кто из них единственный Дункан Маклауд, еще не пришло, а потому в их отношениях установилось не оговоренное по срокам перемирие.

Но зачем трепать языком?!

– Что именно он рассказывал?

– Что вы двое последних могикан на нашей грешной земле. Когда случится страшный суд, спасетесь только вы и те, кого вы сможете зажать у себя в подмышках.

У Михаила отвисла челюсть.

– Чего?!

Володя рассмеялся.

– Да ты не парься! Он был пьян.

Володя разделался с пирожным и приступил к пицце. Он был вполне добродушным и безвредным парнем, которому не везло в личной жизни. Точнее, она у него была довольно бурная, но какая-то... безрезультатная, что ли. Ни одна из его пассий не собиралась с ним надолго задерживаться, а до постели вообще доходила лишь одна из трех.

– Тебя опять бросили, – как бы между делом сказал Михаил, попивая кофе.

Володя замер. Кусок ароматной пиццы с ветчиной и грибами застыл на половине пути к распахнутой челюсти.

– Ты пытаешься убедить себя, что ничего нового не произошло, – продолжал Миша, – но на самом деле ты потрясен. «Что со мной не так?». Об этом ты думаешь, старик?

Володя положил пиццу в тарелку, вытер руки о салфетку.

– Ладно, убедил. Саакян прав.

Миша улыбнулся. Прочесть мысли бесхитростного Володьки Капустина (как он с таким интеллектуальным багажом преподает русскую литературу?!) не требовало приложения серьезных усилий.

– Ты у всех можешь так в башке ковыряться?

Михаил придвинулся к нему поближе.

– Тебе скажу: в принципе, да. Но если ты тоже растрезвонишь об этом всему институту, я найду на тебя пожизненную мигрень.

Володя тихонько поаплодировал.

– В самом деле очень убедительно. И у меня к тебе сразу два предложения.

– Слушаю.

– Первое: взамен моего молчания про твои способности я получаю твое молчание относительно моих успехов на личном фронте. Точнее, неуспехов. Второе: могу свести тебя с ребятами из «Ясновидящего». Мне кажется, у тебя есть все шансы победить.

– А зачем?

Володя с шумом опустил руки на стол.

– Слушай, друг, у тебя честолюбие атрофировано начисто, как у сантехника Афони, или ты просто набиваешь себе цену? Ты не имеешь права отсиживаться в своей раковине. Думаешь, господь бог направо и налево раскидывает такую благодать? Вот я всю жизнь мечтал быть писателем. Я строчки в альбомах для рисования авторучкой выводил уже в двухлетнем возрасте, я читал в школе как проклятый все подряд – что задавали, чего не задавали и что удавалось достать за макулатуру. Знаешь скока мне лет?

– Знаю.

– Мне почти сорок, и все, что я сейчас умею, это копаться в чужих книгах, чужих мыслях и чувствах. Я, наверно, хорошо копаюсь, грамотно, но я сам ничего путного не могу написать. Я пробовал много лет, прежде чем понял, что я – футбольный тренер, не способный пробить пенальти. Я отдал бы все, чтобы хоть одна обложка с моим именем мелькнула на прилавках книжных магазинов, но я *ничего не могу написать*...

– Володь...

– Заткнись и слушай. Тебе бог дал чуть больше, чем остальным. Он не просто так делает подарки, он ждет результатов. Это как с большим рабочим прибором: ты можешь до старости, укрываясь в туалете, мастурбировать на фотографию Моники Белуччи, но не лучше ли осчастливить какую-нибудь ивановскую ткачиху? Она ж тебя, эта ткачиха, на руках носить будет, дурень!

Володя умолк. В глазах прыгали чертики.

– А говоришь, что ничего написать не можешь, – произнес Миша, – с таким-то образным языком.

– Я делаю то, что умею. А ты должен заниматься своим делом. Пойдешь на шоу – попробуешь свои силы в серьезном деле, может, поможешь кому-нибудь.

Миша отодвинул поднос с пустыми тарелками, хлебнул немного кофе.

– Ты убедителен.

О вреде хорошего звука

Был в съемочной группе «Ясновидящего» еще один человек, который имел все основания ненавидеть шоу. Алексей Кузьмичев выполнял обязанности звукорежиссера, и именно ему выпадала честь прикасаться к участникам. Ни гримеры, ни костюмеры постоянного и настолько плотного контакта с экстрасенсами не имели, а вот Кузьмичев успел ощупать несколько десятков человек.

Он цеплял к их одежде микрофоны.

О своих ощущениях Леша предпочитал не распространяться, хотя коллеги догадывались, что ему есть что рассказать. И операторы, и осветители, и даже монтажеры никогда не скрывали, что во время съемок иногда чувствуют себя неважно, или наоборот – испытывают какой-то небывалый энергетический подъем. В этом смысле очень многое зависело от настроения участников шоу. Все эти чудики, обладающие способностями, не всегда контролировали выброс энергии. Кто-то из проигравших, уходя с площадки, мог бросить что-нибудь в сердцах, и половина персонала потом целый день не слезала с горшка. Кто-то не выспался или, наоборот, придавил лишнего, а потом все выплескивал на съемках. Поэтому Леша Кузьмичев наверняка чувствовал что-то особенное, поглаживая экстрасенсов по одежде, выбирая место для петлицы.

– Ну, как она вблизи? – спрашивали его в курилке друзья-операторы, вспомнив, что Кузьмичев накануне готовил к интервью молодую колдунью Леру. Дело было на съемках второго сезона, в кареглазую, жизнерадостную и фигуристую двадцатилетнюю Леру были влюблены все поголовно, включая ведущего, актера ампула вечного мачо Кирилла Самарина, и перекинуться с ней парой фраз, не говоря уже о том, чтобы пощупать, считалось великим счастьем. (Увы, Лера вылетела из проекта на пятой программе, показав в целом весьма скромные результаты, и ее уход вызвал такой транс у мужской половины группы, что на следующий день почти у всех наблюдалось похмелье. Не иначе, наколдовала девка!).

– Ну, так как она? – донимали Лешку коллеги.

Немногословный Леха лишь пожал плечами. У Леры на платье было роскошное декольте, и звукорежиссеру пришлось изрядно потрудиться, чтобы пристроить микрофон, не разрушив композиции.

– Леха, ты видел ее сиськи?

– А запах чувствовал?

– А как у нее?...

– А что?...

В конце концов Леша сдался, понимая, что друзья не отстанут, пока не получат информацию из первых уст.

– Ребята, – буркнул он, обильно покраснев, – у меня весь день стоял так, что хоть ведро вешай.

Друзья были в восторге.

Словом, Алексей Кузьмичев, ощупавший таким образом почти всех участников реалити-шоу, хранил много тайн. Коллеги шутили, что когда-нибудь он обязательно напишет мемуары. «Как я трогал ведьму» или «Жизнь с микрофоном в трусах» – так могла бы называться эта книга, которая, несомненно, распродавалась бы гигантскими тиражами.

Рустам Имранович

Утром двадцать девятого августа Миша Некрасов брился в ванной перед зеркалом. Брился медленно и вдумчиво. Он настраивался. Весь вчерашний вечер и всю минувшую ночь в голове у него вертелся разговор с Володей Капустиным, точнее, не весь разговор, а та его часть, на которую Вовка надавил особо. С каким-то неожиданным восторгом Миша вспомнил недавно прочитанную у братьев Стругацких в «Хромой судьбе» фразу: талант к анализу роковым образом оборачивается неспособностью к синтезу. То же самое Вовка сказал о себе – он талантливо копается в чужих книжках, но сам ничего не может написать. А Мишка? К чему у него таланты, о чем он думает, о чем мечтает и зачем вообще он умеет делать то, что умеет? Поигрывать ли ему своими талантами, как бицепсами, перед впечатлительными девушками, или действительно что-то создавать?

Когда он побрился и уже сбрызгивал подбородок лосьоном, он понял, что его снова взяли «на слабо». Володя Капустин проделал тот же трюк, что и Саакян полтора месяца назад. Чуть более изящно и наверняка из самых лучших побуждений, но – тот же.

Он прибыл на съемочную площадку одним из первых. В огромном ангаре, арендованном у недостроенного торгового комплекса (который, в свою очередь, оттяпал несколько цехов у разорившегося завода), телевизионщики обустроили три павильона различной площади. В самом маленьком устроилась передвижная аппаратная, в среднем – актовый зал для одного из отборочных заданий, а самый большой зал... Миша, из эстетических соображений практически не смотревший телевизор, не подозревал, что его могло ожидать в гигантском зале, уставленном деревянными, железными и пластмассовыми ящиками различных размеров и цветов. Он лишь мельком заглянул с улицы в этот бывший заводской цех, присвистнул и вернулся обратно на солнце.

Площадка у входа в ангар была забита автобусами телекомпании с параболическими тарелками на крышах и личными автомобилями сотрудников. Михаил посмотрел на часы, отыскал глазами скамейку. Затылком и висками он чувствовал любопытные взгляды случайных зевак и таких же, как он, будущих участников шоу. Один из взглядов его даже немного «щекотнул», и Мишка, не оборачиваясь, послал невидимому собеседнику привет: «Отвали, приятель!». Контакт сразу же прервался.

Он неподвижно посидел на скамейке минут пять, посмотрел вокруг. В голову стали приходиться более оптимистичные мысли. Его участие в шоу может стать довольно интересным. Ведь это действительно какое-то новое испытание, новая сфера приложения усилий. Ну, в самом деле, чем он занимался до сих пор? Боролся с монстрами, прятавшимися в шкафу, когда ему было 10—15 лет, искал, нащупывал что-то внутри, поступал в институт, сражался с тамошними недоброжелателями, опять что-то искал, как суетливая тетка, опаздывающая на работу... даже девушкой толком не обзавелся! В конце концов, он молод, симпатичен, энергичен, талантлив – неужели с таким багажом ему всю жизнь подтирать носы первокурсникам?

Он представил себя шестидесятилетним, заплывшим жирком занудным преподавателем: сидит за кафедрой в университетской аудитории, почесывает лысину, поправляет очки на переносице и все время порывается с анализа Смутного времени перейти на воспоминания о бурной молодости, но студенты начинают гудеть, бурчать, забрасывать его бумажками...

– Да, вот так оно все и бывает, – услышал он справа вкрадчивый голос.

Миша вздрогнул. Обычно к нему сложно подкрасться незаметно, но сейчас он лазутчика пропустил. Это могло означать лишь одно: лазутчик – один из них.

Он повернулся на голос. Рядом с ним на лавочке с видом «я просто потрындеть с вами пришел» примостился невысокий мужчина лет пятидесяти в недорогом костюме и с кепкой

на затылке. Михаил подумал, что ему не хватает рядом листочка фольги со сваренным вкрутую яйцом и куриной ножкой. Замшелый интеллигент на отдыхе в парке, ни дать ни взять.

– Простите, что вы сказали? – спросил Миша.

Мужчина продолжал смотреть на суету возле гигантского автобуса «Мерседес», принадлежащего телекомпании. Но он все же ответил. Со вздохом, будто сделал одолжение:

– Я говорю, молодой человек, что вот так оно и бывает: всю жизнь на низком старте, всю жизнь ждешь сигнала, а сигнала все нет. Ты уже думаешь, что его никогда не будет и вся жизнь прошла зря, без искры, без пара, без движения. И вот когда ты уже совсем отчаиваешься, вдруг получаешь восточку. – Мужчина кивнул в сторону автобуса. – Боязно... Вы меня понимаете?

Миша молчал.

– Знаю, что понимаете. Иначе что вам здесь делать.

Собеседник наконец повернулся к нему. Миша увидел потухший взгляд глубоко старого человека, хотя на вид ему было действительно не больше полтинника.

«Я тоже стану таким», – подумал парень и протянул руку.

– Михаил.

– Очень приятно, – отозвался мужичок, протягивая свою сухонькую клешню. – Рустам... Кхм, Рустам Имранович, если точнее. Почти как глава мятежного Верховного совета, если вы помните. Хотя откуда вам это помнить.

Миша улыбнулся:

– Я преподаю историю в вузе. И вы, пожалуй, один из немногих моих собеседников, кто не утверждает однозначно, что Верховный совет был варварски расстрелян бандой Ельцина.

– Да, я так не считаю. Я убежден, что в гражданской войне не бывает правых. – Рустам Имранович вздохнул и вернулся к изучению повадок телевизионщиков. – Видите ли, я был у ворот Останкино в девяносто третьем. Защищал свободу слова. Из лагеря штурмующих в меня прилетела пуля, и знаете, после этой пули я думаю, что если бы победили Руцкой с Макашовым, то пол-Москвы висело бы на фонарных столбах. Я висеть категорически отказывался.

Михаилу казался странным и даже неуместным разговор о политике здесь, в этом дворе, перед съемкой развлекательного шоу. Он решил закрыть тему.

– Да, чудесное у вас имя.

– Надо полагать, и у вас не совсем простое? – ухмыльнулся Рустам Имранович. – Я слышал, что среди претендентов есть дальний родственник одного русского поэта. Не вы ли?

Мишка почему-то покраснел.

– Думаю, для вас не составило большого труда определить, – сказал он. – Как вы сюда попали?

– Прочел объявление бегущей строкой, прошел кастинг. Мне позвонили вчера вечером, буквально в последний момент, когда я уже и надеяться перестал. А вы?

– Коллега развел. Я тоже сначала ни на что не претендовал. Мне позвонили несколько дней назад.

– Поздравляю.

– Спасибо, и вас так же. Хотя не уверен, что есть с чем поздравлять.

Имранович молча кивнул.

Разминка

Через час с небольшим ангар оккупировали две сотни человек. Площадка стала напоминать продуктовый рынок в воскресный день. Мишка Некрасов и его новый знакомый разглядывали толпу.

Это были самые разные люди. Они отличались друг от друга возрастом, качеством штанов, выражением лиц. Последнее заинтересовало Михаила более всего. Это были лица страждущих, хотя каждый второй всерьез считал себя если не мессией, то уж точно уникальным колдуном, магом, провидцем, целителем. Им вроде по статусу положено собирать у своего дома толпы поклонников, махать им с балкона платочком, отпускать грехи и разводить руками тучи, ан нет – теперь они сами ждут чуда, надеются на благодать и с удовольствием дают интервью репортеру телекомпании, который вместе с оператором толкается в самой гуще.

Вот совсем молоденький мальчик, лет восемнадцать от силы, белобрысый, робкий, смотрит вокруг, пытается улыбаться, но видно, что его лихорадит. Михаил даже на расстоянии почувствовал дрожь в его коленках. «Куда ж ты, дурачок, полез, скушают тут тебя, как сосиску в тесте. Будешь потом считать себя неудачником».

Вот женщина лет сорока, восточной наружности, с горделивой осанкой, острым подбородком и взглядом главы огромного семейства... Да, у нее точно большая семья, как у многих людей в тех далеких краях, откуда она родом. Наверняка куча детей, работающий муж, чрезвычайная занятость которого, впрочем, не приносит большого дохода. У них маленький дом, небольшой задний дворик, на котором ее четверо сыновей гоняют сдувшийся резиновый мяч... ее единственная доченька десяти лет помогает на кухне... на дне большого казана в шипящем масле купаются колечки лука, кусочки баранины и морковь... это плов... боже, настоящий, свежий, узбекский плов, приготовленный настоящей узбекской ясновидящей!

Зачем ты здесь, добрая женщина? Тебя в твоем селе носят на руках, ты никому не отказываешь в помощи. Малограмотная, владеющая русским языком на уровне «мы имеем строительный бизнес в Москве», но такая уверенная в себе, возвышенная и какая-то... не подобрать выражения... словом, загадочная. Да, есть еще женщины в узбекских селеньях.

И еще десятки лиц, сотни глаз.

Чудный денек намечается.

– Интересно, правда? – спросил Рустам Имранович.

– Не то слово, – кивнул Миша. – Просто книжки писать можно, не вставая со скамейки.

Мужчина оживился.

– Предлагаю небольшое соревнование, чтобы скоротать время, – сказал он. – Помните сцену из Холмса? Как старший брат Майкрофт предлагал Шерлоку рассказать что-нибудь о случайном прохожем, которого они увидели из окна?

Миша пожал плечами. Ему не очень нравилось делать это публично. «Сканирование» – дело интимное, и свои наблюдения лучше оставлять при себе.

– Если только чуть-чуть.

– Да, просто встряхнемся перед первым туром.

Имранович с хрустом размял пальцы, приосанился.

– Что вы думаете насчет того молодого мужчины, у которого сейчас берут интервью?

Видите, справа от автобуса?

Михаил вынул руку из кармана и стал по привычке потирать левый висок.

Объектом стал парень в черной рубашке и черных же брюках, высокий, с короткой стрижкой. В вытянутой правой руке он держал мундштук с дымящейся сигаретой, сам держался как бы отстраненно и почти вальяжно, на вопросы отвечал неспешно, растягивая слова, при этом взгляд его не поднимался выше декольте на блузке журналистки.

– Ну? – спросил Имранович.

Миша вздохнул. Задача – для первого курса Хогвартса.

– Считает себя колдуном, причем не абы каким, а потомственным. Дальше вы.

Рустам Имранович с мальчишеским задором подхватил эстафету. Мишка понял, что для него это не просто хобби. В этом весь смысл его существования.

– Парень одинок... возможно, девственник, и это накладывает отпечаток на все, что он делает. Неистраченные чувства и эмоции он направляет в иное русло.

– Согласен, – произнес Миша, не отпуская висок, – но кроме его возможной девственности есть еще и свойства личности. Парня можно назвать вредным. Противным даже, я бы сказал. Нетерпим к чужому мнению и болезненно воспринимает пренебрежение к его колдовскому титулу.

– Да-да, жутко не любит, когда в нем сомневаются или даже смеются над ним. Кстати, что он вообще умеет?

– Вы хотите знать, обладает ли он хотя бы частью того, о чем трубит сейчас этой девушке?

– Именно! Что скажете, коллега?

Миша улыбнулся, несколько секунд молча изучал объект. Молодой человек в черном никак не мог закончить интервью. Девушка с микрофоном все пыталась улизнуть, оператор уже опустил камеру и искал новые планы для съемки, а колдун не унимался.

– Способностей немного, – заключил Михаил. – Любит внешние эффекты, но на самом деле способен лишь на поиск взрывчатки или марихуаны в чемоданах гастарбайтеров.

Рустам рассмеялся, хлопнув в ладоши.

– Bravo! Я все пытался найти образный ряд, но вы попали в десятку раньше!

Михаил благодарно склонил голову. Разминку на этом он считал законченной, но Имранович вдруг перестал смеяться. Взгляд его был серьезен.

– А обо мне что-нибудь можете сказать?

Миша вздохнул. «Вот этого я как раз и не хочу, – подумал он. – Давайте не будем портить хорошее утро».

Рустам Имранович кивнул.

– Я ждал подобной реакции. Должен предупредить об одной вещи. Сейчас мы с вами вроде как наблюдатели и, возможно, даже немного друзья. Но если мы оба пройдем в шоу, мы автоматически превратимся в соперников. Поэтому...

Миша нахмурился. А ведь этот мужичок в кепочке уже начинал ему нравиться. Что делает с людьми желание быть первым!

– Рустам Имранович, я понятия не имею, во что мы с вами ввязываемся, но я убежден, что соперничество не предполагает вражды и уж тем более – вредительства. Давайте действительно не будем портить утро!

Мужчина покраснел.

– Да, согласен.

Из дневника Екатерины Соболевой

28 июня 2008

...Иногда я чувствую себя просто какой-то зеленощекой принцессой Фионой. Сначала родители ее никуда не выпускали допоздна, а потом и вовсе заперли в высокой башне, оставив на попечение Дракоши. Родительский долг выполнен, девчонка изолирована от дурного влияния улицы, пусть сидит и ждет своего прекрасного принца, ха-ха...

Да не жду я уже никакого принца, плевать я на них хотела! Мне нужна свобода. СВОБОДА! Не в том смысле, что куда хочу, туда пойду, что хочу – то и наворочу. Я не такая, поверь мне... да ты и сам прекрасно знаешь, что ж я тебе рассказываю, слава богу уже пять лет общаемся! Просто я хочу, чтобы у меня было право выбора. Я считаю, что человек в шестнадцать лет заслуживает право выбора, а мне говорят, что ты еще не достигла возраста, дающего право голосовать... «ха-ха» три раза!

Я учусь хорошо, я пишу лучшие сочинения в школе за всю историю ее существования (понял, да? бе-бе!), я не шляюсь по притонам... но я тысячу лет не была на концерте в клубе (блин, какое там «тысячу лет»! НИ РАЗУ НЕ БЫЛА!). Я забыла, что такое дискотека! Я не гуляла на закате по нашей набережной, а ведь там так красиво! Я люблю эту набережную, хотя река там самая грязная в городе. Да ну и что! Пусть грязная, пусть вечером страшно-вато... но как я живу, посмотри на меня! Ради чего? Ради кого?! Зачем я?!.. Ой, ладно, пойду я спать...

В последнее время днем мечтаешь только об одном – скорее плюхнуться спать. Кажется, только в постели чувствую себя спокойно, но утром приходится просыпаться. Знал бы ты, как иногда не хочется, чтобы веки разлипались!

Ладно, прости за слабость, пока!

Рыба

На первом задании Миша откровенно забавлялся. Пожалуй, даже за это маленькое развлечение стоило бы поставить Вовке Капустину бутылку поддельного виски, который он так любит.

Сначала претендентов – примерно по двадцать-тридцать человек – запустили в импровизированный актовый зал с небольшой сценой. На сцене стояла черная ширма, абсолютно непроницаемая, мрачная и немного пугающая, как театральная задняя панель перед спектаклем при потушенных прожекторах. Когда первая партия экстрасенсов, в которую пролез и Михаил, расселась по казенным стульчикам с кривыми металлическими ножками, на сцену перед ширмой вышла девушка. Миша ее узнал – это была неудачливая в браке ассистентка режиссера, пытавшая его на кастинге. С девушкой что-то произошло. По сравнению с их первой встречей настроение ее сильно изменилось. Возможно, она недомогала.

«Да просто месячные начались!» – мысленно отмахнулся Миша, чтобы не загружать мозги.

– Внимание, – сказала она, подняв руку. – Здравствуйте, меня зовут Ирина Королева. С вами мы познакомились во время кастинга. Здесь в зале собрались те, кому предстоит побороться за выход в финальную часть шоу. Вас ждет первое задание, по итогам которого вы проходите в следующий этап. Сейчас мы уже пишем первую программу, которая скоро пойдет в эфир. На раскачку времени нет, начинается настоящая работа. Я желаю всем вам удачи!

Она покинула сцену. Михаил со своего последнего пятого ряда успел заметить у нее мешки под глазами.

Проводив Ирину, на сцену вышел молодой человек в джинсовой куртке и с телефоном в руке. По виду – еще один ассистент режиссера, но уже менее приветливый и более деловитый.

– Здравствуйте, друзья. Вот условия первого задания.

Он повернулся к залу боком.

– Здесь за ширмой кое-что спрятано. За двадцать минут вы должны определить, что именно там находится. Можете описать это общими словами, можете попытаться указать конкретный предмет. В вашем распоряжении все пространство зала, можете подходить к ширме и стучать хоть в шаманские бубны, дело ваше. У каждого из вас есть лист бумаги. Напишите на нем свои имя и фамилию и то, что вы увидели. На выходе вы опустите бумагу в урну и дадите небольшое интервью. Всё, друзья, время пошло, удачи всем!

Парень ушел. По залу стали снова операторы с камерами. Народ зашушукался.

«И каждый из них будет желать нам удачи, и скоро нас всех вырвет от этих телячьих нежностей», – подумал Миша.

Как и в старые школьные (а позже институтские) времена, прежде чем приступить к выполнению задания, он стал разглядывать своих конкурентов. Интересно было понаблюдать за их рвением.

Ниже на один ряд сидел Рустам Имранович. Он был уже без кепки, и кожа на его напряженной лысине ходила ходуном, как гармошка старого «Икаруса». Мужчина неотрывно пялился на ширму, постукивал пальцами по деревянному подлокотнику. Миша улыбнулся и перевел взгляд вправо. Там сидела многолетняя узбечка, чей ароматный плов он увидел в своем воображении. Внезапно ему захотелось попробовать чего-нибудь мясного. «Надо будет с ней подружиться, если она пройдет в финал». Женщина сидела неподвижно и тоже смотрела на ширму. Губы ее что-то нашептывали. Очевидно, шаманила на своем языке.

Участники с боковых мест стали вставать и подтягиваться к сцене. Кто-то подходил вплотную к ширме и пытался пронзить ее взглядом, но тут же, разочарованный, отходил прочь. Кто-то нарезал круги под сценой, стуча в бубен, потрясая кухонными ножами или разбрасывая

какие-то семечки... Молодой человек в черных брюках и черной рубашке, не выпуская изо рта мундштук с тлеющей сигаретой, вытянул к ширме длинные руки вперед ладонями и что-то там пытался нащупать... но Михаил был уверен, что все впустую.

«Балаган, – подумал он, едва сдерживая улыбку».

Сам он довольно скоро определил, что скрывается за ширмой. Он просто в течение минуты смотрел на нее, потирая левый висок, и увидел. Он не стал изображать мыслительные потуги. Как на вступительных экзаменах в университет, он сразу написал правильный ответ. Вдоволь насмотревшись на конкурентов, Миша сложил листочек вдвое и покинул зал. Краем глаза заметил, что Рустам Имранович все еще морщит затылок.

На выходе действительно ожидали интервьюеры. Его отвели в уголок, под свет прожектора, направили камеру.

– Здравствуйте, представьтесь, пожалуйста, – попросила девушка.

– Михаил Некрасов.

– Вы определили, что спрятано за ширмой?

– Да.

– И что же там?

– Большой аквариум с акулой... или с другой большой рыбой.

Девушка и оператор переглянулись.

– Много ли времени у вас на это ушло?

– Честно?

– А как иначе!

Миша улыбнулся.

– Я могу, конечно, пококетничать для камеры, рассказать, какие сложные манипуляции с сознанием совершаю. Могу просто ответить как есть.

На мгновение девушка замешкалась.

– Ну, давайте просто.

– Около двух минут. В первую минуту я увидел стекло и воду, а потом – большое живое и холодное тело. Акула там или нет – точно не знаю, но кроме нее ничего в голову не лезет. Я могу идти?

– Конечно. Спасибо большое. Далеко не отходите.

Коридор

Из двух с лишним сотен претендентов для следующего испытания можно было отобрать человек пятьдесят. Садовская ожидала худшего результата. Во время перерыва, когда участники пили кофе, курили на площадке возле ангара, делясь впечатлениями и проклиная авторов только что пройденного бестолкового задания, продюсер просмотрела свежие рабочие материалы и пришла к выводу, что как минимум шоу не провалится. Чуть больше ста претендентов правильно указали, что за ширмой – живое существо. Тридцать человек определили, что там еще стекло и вода, следовательно, можно с большой долей вероятности предположить, что там какая-то рыба или что-то на нее похожее. Остальные в своих исследованиях ушли очень далеко, и просматривая ответы на листах бумаги, ассистенты не переставали похихикивать: версии были самые сумасшедшие – от голой девушки на пуантах до газонокосилки.

Только два человека ответили, что за ширмой – акула в аквариуме. Разумеется, акула была маленькая, обколотая транквилизаторами, лениво нарезала круги в резервуаре и вполне могла сойти за откормленного сома, но, черт побери, два человека ее увидели!

Садовская положила перед собой два листа бумаги. Две подписи в углах – М. Некрасов и Л. Кремер. И совершенно одинаковая форма ответа:

«Аквариум. Акула».

Садовская закурила длинную ментоловую сигарету, начала крутиться на стуле, кусать губы и размышлять.

Миша оказался прав насчет Ирины Королевой. Сегодня она была не в духе. Более того, она и физически чувствовала себя весьма отвратно, однако предположение экстрасенса относительно причин такого самочувствия оказались поспешными – критические дни здесь были ни при чем.

Едва закончилось первое испытание, в течение которого она пряталась в передвижной аппаратной рядом с режиссером Женькой Ксенофонтовым, Ирина покинула телевизионную зону и пошла бродить по запутанным лабиринтам бывшего завода. Ей хотелось побыть одной.

Она миновала съемочную площадку, уставленную разнокалиберными ящиками, и вошла в первую же попавшуюся дверь в углу ангара с красной надписью «Не входите!». Внутри огляделась. Это был длинный коридор, подсвеченный желтушными стоваттными лампочками с пыльными абажурами. Концы коридора терялись в полумраке. Прямо перед Ириной на стене висел выцветший от времени, с ободранными углами плакат, призывавший рабочих не тырить социалистическое добро.

«Когда здесь в последний раз были люди?» – подумала Ирина.

Судя по всему, живых существ здесь действительно не было очень давно. Максимум – оголодавшие крысы и пауки. Пахло сыростью. Где-то в полутьме капала с потолка вода, образующая лужу. Впечатление этот заброшенный технический коридор производил мрачное, если не сказать – пугающее. Впрочем, под стать тому безобразию, что здесь устроили телевизионщики. Экстрасенсов нужно пустить погулять по этому заводу – вот где будут «веселые картинки», подумала Ирина.

Она решила пощекотать и собственные нервишки.

– Эй! – крикнула она и зажмурилась.

Ничего не произошло, и визгливые летучие мыши не взметнулись черным ураганом под потолком, и эхо не откликнулось мрачным предложением убираться. То есть эха не было вообще, будто стены этого коридора были обиты войлоком, как в психушке комната для буйных.

– Ээээй!!! Уууууу!!! Стооой, кто идёоооот!..

Мрачный коридор по-прежнему не торопился подхватывать игру – все так же молчал, хлюпая падающими в лужу каплями воды. Ирина подошла к противоположной стене и села на пол под плакатом. Черт побери, что же с ней происходит?!

Как будто кто-то холодной рукой схватил грудь и зажал ее, не давая вздохнуть. Ощущения почти те же, что она испытывала по утрам после нелепой гибели бывшего мужа. Пусть их мало что связывало в те годы, но, просыпаясь и глядя в белый потолок, она едва удерживалась от слез.

Сейчас – почти то же самое. Паника, подступающие к горлу слезы, чьи-то холодные пальцы в груди... Пожалуй, помочь могла лошадиная доза корвалола или еще чего по сильнее. Нет, лучше коньячку выпить! У Женьки в автобусе где-то был спрятан небольшой початый пузырек... правда, если Садовская почует запах алкоголя – порвет на бантики для своей собачки... Хм, а у нее есть собачка?

Чушь какая-то в голову лезет. Надо встать, найти туалет, умыться и взять себя в руки. Еще один сезон, дорогая, только один сезон – и все, идут они лесом, светилы отечественного телевидения, вместе с их рейтингами, замерами, больными на всю голову зрителями, которым нужно только одно! На что я расходу свой талант?!

Она шмыгнула носом, поднялась, держась руками за шершавую стену. Жаль, нет с собой зеркальца... впрочем, все нормально, она справится и так, она сейчас возьмет себя в руки, поднимет свою красивую головку и пойдет вперед.

Она скрючилась, схватилась рукой за сердце.

Да что же это такое?!

Она заплакала, упала на колени. Ей хотелось кричать, потребовать отпустить ее и перестать мучить, но она только плакала и плакала. На большее сил уже не хватало...

И в этот момент в конце коридора раздались чьи-то шаги. Кто-то стучал каблуками по бетонному полу.

Женщина подняла голову. Сквозь пелену слез увидела силуэт, но не смогла определить, кому он принадлежит.

Человек направлялся к Ирине.

Игра в ящик

Организаторы шоу оставили тридцать человек. Михаил с удовлетворением отметил, что среди них – смешной «черный колдун» с мундштуком, узбекская Тетенька-Плов, Рустам Имранович. Все, кого он так или иначе отметил еще до начала съемок, были на месте, значит, он умеет делать точные прогнозы. Это радует.

Теперь счастливицам предстояло зубодробительное задание, и когда Миша, не видевший предыдущих сезонов шоу, понял, что от него ожидают, восторгу его не было предела. Он едва сдержал хохот. «Они так проверяют наличие у человека экстрасенсорных возможностей? – подумал он. – Что же меня дальше-то ожидает? Воду в спирт не надо будет превращать?».

Их по одному стали заводить в самый большой зал ангара. Все остальные под присмотром людей в джинсовых костюмах ожидали в благоустроенном предбаннике – чай, кофе, журналы и прочие радости. Практически всем участникам уже было известно, что их ожидает. Михаилу достаточно было послушать разговоры своих «коллег».

– Ящики будем обнюхивать, как собаки Наркоконтроля, – махнул рукой Рустам Имранович. Он был увлечен своими мыслями, судя по всему, не очень веселыми.

– Что-то искать будем? – спросил Миша.

– Не «что-то», а «кого-то». Спрячется там какой-нибудь чудик полтора метра ростом, свернется в три погибели, а ты должен будешь вытащить его. Ящиков – штук тридцать, на все дается минут десять. Слабо?

Михаил улыбнулся. Слабо ли ему, укротившему аномальную видеокамеру Виктора Вавилова, отыскать в ящике карлика?

– Не спешите с выводами, – сказал ему Рустам Имранович. – Не все просто, что простым выглядит. Если вы, конечно, не супермен.

Миша только хмыкнул. Супермен он или нет, наверняка не скажешь, но предыдущее его дело позволяет надеяться, что с этим дорогостоящим телевизионным аттракционом он как-нибудь справится.

Те, кто проходил испытание, обратно не возвращались – их отправляли в следующий павильон, окруженный такой же плотной охраной. «Система безопасности у них тут поставлена хорошо», – подумал Миша. Эта мысль его порадовала: ребята стараются пресечь возможные утечки, а потому можно быть уверенным, что откровенной лажи вроде подсадных уток и постановочных сцен в проекте не будет, или хотя бы их сведут к минимуму.

Он терпеливо ждал своей очереди, сидя у стены возле кулера. Ни с кем не общался, ни к кому не прислушивался, хотя прекрасно осознавал, что стоило ему чуть-чуть напрячься – закрыть глаза, прикоснуться к левому виску и врубить хотя бы на половину мощности свои принимающие датчики – и на него обрушится вся эта экстрасенсорная ерунда, томящаяся, словно говяжий бульон на медленном огне, в головах у этих странных людей. И еще он понимал, что сам вызывает у окружающих определенный интерес. Не раз и не два он буквально ловил кого-то «за руку», посылал мощную оплеуху в ответ – «Брысь!» – и втайне забавлялся тем, как быстро любопытные уносили из его головы свои щупальца.

Рустам Имранович отчего-то скис. Он сидел в углу под вешалкой, шелестел пальцами, будто перебирал невидимые четки, бубнил что-то под нос. Миша пару раз бросил обеспокоенный взгляд в его сторону, но вмешиваться не стал.

«Черный колдун» ходил из угла в угол по маленькому павильону, не выпуская изо рта свой дурацкий мундштук. Сигарета в нем истлела до фильтра, причем парень затынулся всего пару раз. Сколько у него имелось реальных колдовских способностей, Михаил точно бы не ска-

зал, но основные таланты молодого человека, без сомнения, лежали в иной плоскости – он тяготел к театральным постановкам. Если парня возьмут в программу, цирк будет обеспечен.

Из всех остальных конкурентов Михаил выделил еще одну загадочную даму. Это была Людмила Кремер (он слышал ее имя). Загадочность ее заключалась в том, что к ней в голову Михаил не мог проникнуть совсем, даже на короткое время и даже, что называется, «по верхам». Из всех, с кем когда-либо общался или просто пересекался экстрасенс Михаил Некрасов, таким мощным барьером обладал лишь его коллега по университету профессор Саакян. Но если старый стервец, шутя и забавляясь, иногда впускал его, то Кремер окружила себя чем-то очень плотным, как саркофаг четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС.

Он оставил попытки раскусить ее. Еще представится случай.

Через час народ начал рассасываться. Кто-то курил на улице, кому-то срочно понадобилось сбегать в магазин. Экстрасенсы начинали скучать. Михаил сам был готов вздремнуть, но тут его вызвали.

– Вы готовы? – спросила девушка в униформе телекомпании.

Он кивнул.

– Уверены?

– Вполне. Ведите меня к вашим гробам.

Девушка не оценила шутку, развернулась спиной и пошла по коридору.

Они вышли в большой ангар. На входе Михаила встречали два оператора с камерами на плечах. Он уже привык к ним за время первого испытания и почти не обращал внимания. За операторами маячила черная шевелюра высокого парня в кожаном плаще до пят. «Еще один рулевой», – угадал Михаил. И действительно, парень, разводя операторов по разные стороны, пошел навстречу чуть ли не с распростертыми объятиями.

– Здравствуйте, Михаил! Рад, что ваше ожидание подошло к концу. Сразу перейдем к делу. Меня зовут Константин, я соведущий проекта и сегодня буду сопровождать вас на этом задании. Проходите.

– Да, давайте.

Константин обвел рукой площадку.

– Перед вами – тридцать ящиков различных размеров, цветов и предназначения. Мы собирали их по всему городу. В одном из них скрывается человек. Вы должны ему помочь выбраться наружу, и на это вам отводится всего десять минут. Вам понятно задание?

Миша устало улыбнулся. Улыбка ведущему не понравилась.

– Михаил! Вы готовы к выполнению задания?

Миша встряхнулся.

– Да, готов.

– Тогда желаю удачи.

Константин нажал кнопку секундомера и отошел в сторону, приглашая экстрасенса. Миша шагнул вперед, операторы засуетились рядом.

Перед ним в два ряда были выставлены действительно самые разные ящики, какие только можно найти в большом городе – от упаковочной тары крупногабаритной техники до мусорных баков (либо новых, либо тщательно отмытых). Расставлены они были без всякой видимой системы, но ровно по пятнадцать штук в каждом ряду.

Миша коротко обернулся к оператору. Камера справа сверлила его висок, второй оператор отбежал в дальний конец зала. Еще Миша увидел сверху лебедку операторского крана с подвешенной камерой. Она летела прямо ему навстречу.

«Добро пожаловать на манеж, старина! – подумал Михаил. – Прозвенел третий звонок, зрители в партере едят мороженое и хрустят попкорном. Прошу вас, дамы и господа, выключить ваши сотовые телефоны, видео- и фотокамеры...»

Ладно, зубоскалить можно долго, но надо уже начинать, коли пришел».

И он приступил к работе.

За мониторами в аппаратной сидели Женя Ксенофонтов и Маришка Садовская. Последняя нервничала.

– Жентос, где эта подружка твоя носится?

Женя не сводил взгляда с мониторов и делал в микрофон подсказки операторам:

– Сеня, зайди еще раз справа, возьми его в профиль крупно... да, посмотри, как у него желваки ходят... во, молодец... Так, кран пошел вниз...

Садовская была вынуждена повторить свой вопрос, на этот раз дернув режиссера за рукав:

– Я тебя спрашиваю, красавец, где твоя любовница?

Евгений на мгновение отвлекся, повернулся к Садовской, опустил микрофон, прикрепленный к подбородку, и прошипел:

– Слушай, займись делом! Или сама иди ее ищи...

Маришка прикусила губу. На центральном мониторе Михаил Некрасов тоже кусал губы. По щеке его потекла капелька пота. Да, действительно, план был выхвачен очень удачный...

Но куда подевалась Королёва?!

Михаил замер. Впрочем, та капля пота, которую засекали оператор и обитатели аппаратной, не была признаком напряжения – просто в ангаре стало очень жарко. Миша краем глаза заметил, что и его провожатый Константин все порывается скинуть плащ, но, вспоминая, что это элемент его сценического костюма, возвращает на плечи.

В душе Михаила сейчас боролись два маленьких монстра. Один из них имел все шансы со временем превратиться в большого, если его не приструнить. Этот негодяй вопил: давай, сделай их, пусть они обалдеют, когда ты на второй минуте испытания подойдешь и укажешь им на нужный ящик; ведь они именно этого хотят!

Второй «монстрик» предлагал повременить, поиграть на нервах, подвесить интригу. Это ведь шоу, тут нужна драматургия.

Два маленьких негодяя...

Дело в том, что Миша сразу увидел человека в ящике. Увидел даже с того места, где сейчас находился. Он не ожидал, что у него получится так скоро.

А тут еще Константин начал мешать:

– Извините, Михаил, а можно узнать ход ваших мыслей?

Миша едва не фыркнул. Какой там «ход мыслей»! Нет никаких мыслей, есть «очевидное и невероятное» – вон он, полутораметровый лысый парнишка в правом ряду в квадратной то ли коробке, то ли тумбочке... Скрючился, как эмбрион, вертится, крутится, склоняет на всех непереводимых диалектах организаторов шоу, которые засунули его в ящик, соблазнив тремя бутылками дорогого виски. Как можно его не увидеть! Вон же он, четвертый в правом ряду!

Мишка вздохнул.

– Я вам мешаю? – поинтересовался ведущий.

– Нисколько.

– У вас есть какие-нибудь мысли?

«Мысли, конечно, есть, но тебе их лучше не знать».

– Я могу дать ответ, – произнес он вслух.

У Константина расширились глаза. Судя по всему, предыдущие экстрасенсы не очень радовали результатами.

– Вы уверены?

Миша кивнул.

Константин остановил секундомер.

– Две минуты двадцать секунд... Что ж, не смею возражать. Покажите, где находится наш узник.

– Извольте.

Михаил сразу направился к ящику, чтобы ни у кого не возникло сомнений в его решительности. Он остановился в шаге от него. Это действительно был невысокий деревянный шкафчик, опрокинутый на спинку. Подобный вполне мог стоять в комнате прабабушки колдуньи, от которой Михаил и унаследовал свой дар, – шкафчик древний, загадочный, мрачный. Миша закрыл глаза, коснулся пальцами левого виска... Да, он тут, наш маленький друг. Кажется, вспотел и пыхтит, мечтая выбраться наружу. Пора его спасать.

– Это здесь.

Константин для приличия вскинул брови.

– Именно этот?

Миша кивнул.

– И других вариантов не будет?

– Вроде это не «Поле чудес». Открывайте, и я пойду.

Константин пожал плечами.

– Ну что ж, давайте откроем.

Ведущий кивнул двум дюжим молодцам в синих рубашках, и через несколько мгновений Миша получил возможность убедиться в точности своих выводов, а заодно и покуражиться над ведущим. Второе принесло ему гораздо больше удовольствия.

– Феноменально! – сказал Константин и начал аплодировать. Вслед за ним захлопали все остальные члены съемочной группы, находившиеся на площадке.

Кряхтя и расправляя помятые члены, под свет прожекторов выбрался карлик. Пот ручьемкатился по его лбу, короткие волосы стояли торчком. Он так радовался, что его, наконец, вытащили, что готов был расцеловать экстрасенса. Миша даже опешил.

– Поздравляю вас, Михаил! – продолжал аплодировать ведущий. – Феноменальный результат! На моей памяти никто так быстро не справлялся с этим заданием. Вы поисковик?

Миша молча покачал головой. Какой поисковик? Вы еще с собакой сравните...

Константин понял, что ничего путного от парня не добьется. Он произнес еще несколько ничего не значащих протокольных слов, улыбнулся камере и пригласил Мишу выйти через дверь в противоположном конце зала.

Михаил шел мимо шкафов и ящиков. В голове пульсировали неприятные мысли. Вот со всем этим ему придется иметь дело еще около полутора месяцев, если, конечно, его не выбросят из шоу раньше суперфинала. Камеры, улыбочки, «встаньте так, встаньте эдак, поверните голову туда...». Интересно, они хоть какие-нибудь гонорары собираются платить? А то торчи тут, понимаешь, от заката до рассвета.

В ушах появился легкий гул, словно от работающего трансформатора. Михаил остановился.

Он дошел уже до конца рядов. На краю стояли два обычных городских мусорных контейнера, и от одного из них тянуло сыростью и гнилью. Причем Миша чувствовал это не носом, ибо это был явно не запах...

Он оглянулся назад. Операторы отдыхали, Константин болтал с ассистентом режиссера, сорокалетний карлик, выбравшийся из ящика, курил в стороне. Они готовились встречать следующего участника.

Миша подошел к контейнеру. Бак тщательно отмыли и почистили – это было видно невооруженным глазом – но от гадкого духа избавиться не сумели. Он все равно будет смердеть, даже если его помыть с шампунем, обдать паром и проветрить на морском бризе. В этом баке будто кто-то умер...

Миша коснулся рукой края крышки, погладил. Пальцы кольнуло холодными иглами. Он одернул руку.

Точно, умер человек, причем совсем недавно. Женщина лет двадцати пяти – тридцати, красивая. Была чем-то подавлена... или напугана... Сердце отказало, кажется...

Миша закрыл глаза, вновь погладил ребро ящика.

Странно все это. При чем тут ящик? Почему она в мусорном баке, если у нее отказало сердце? И выглядела она слишком прилично для бомжа. Несчастных бродяг иногда действительно можно встретить и в заброшенных коллекторах, и в мусорных баках, и черт знает где еще. Но эдакая милашка?

Миша втянул носом воздух, свободной рукой коснулся виска и начал свои привычные круговые движения. Он понимал, что, возможно, занимается ерундой, но его никак не отпускал этот «дух». Свежая смерть – так он его мысленно называл. Это не запах крови и не импульсы угасающего сознания – это запах страха. Девушка очень сильно чего-то испугалась сегодня утром, а потом умерла...

Сегодня утром? Уверен?

Миша открыл глаза, оглянулся. Его задержкой на съемочной площадке заинтересовались. Ведущий Константин, сунув руки в карманы своего стильного плаща, смотрел на него вопросительно, операторы почему-то нацелили камеры, ассистент режиссера направился к нему.

– Все в порядке? – крикнул он на ходу.

Миша не ответил. Вновь закрыл глаза. Что-то не так с этим ящиком, какая-то мерзость от него тянется. Ко всем остальным в этом ангаре нет вопросов, а тут...

А в ящике ли дело?

– Михаил! – повторил свое обращение ассистент. – Что-то случилось? С вами все в порядке? Может, врача?...

Миша прервал его движением руки. Он уже почти нащупал нить, и этот мальчик в синей рубашке его отвлекал.

Ага, вот в чем дело...

Михаил отошел от контейнера в середину прохода между рядами ящиков.

«Запах» тянулся из соседних помещений, а вовсе не из мусорного контейнера! Ручеек человеческого страха – животного ужаса даже! – огибал ящики, расползлся по ангару, как ядовитый газ, и только Михаил, кажется, мог предвидеть, чем все это может закончиться. Во всяком случае, никто из предыдущих экстрасенсов не обратил на это внимания.

– Что-то не так? – спросил подошедший ассистент.

Михаил кивнул и рукой указал на дверь в углу ангара. Ее не было видно из центра зала из-за ящиков и телевизионного оборудования, но стоило сделать несколько лишних шагов – и дверь просто «вопила»! Почему никто из шаманов ничего не почувствовал?

– Что находится за этой дверью? – спросил Миша.

– Коридоры какие-то, я не заходил.

– Позовите охрану... есть у вас охрана или кто-нибудь в этом роде?

Парнишка развел руками. В этот момент зашипела висевшая у него на шее рация.

– Синица, что там за самокопания на заднем плане?! Слышишь меня?

Парнишка взял рацию.

– Да, Марин, слышу. У нас тут... – Он посмотрел на Михаила. Тот одобритительно кивнул. – Мариш, у нас проблемы. Вышли кого-нибудь из ребят с охраны.

– Чего? У нас участник на старте, что стряслось опять?

– Не знаю, но нужны люди. Тут вот Михаил...

– Да я вижу, что там Михаил! Дай ему трубу!

Синица снял с шеи аппарат и передал его Мише. Тот не стал тратить время на длинные предисловия.

– Скажите, Марина, кто-нибудь из вашего персонала посещал подсобные помещения в этом цехе?

Садовская озадаченно помолчала.

– Я лично нет. А что?

Михаил выдержал паузу. Вы хотели шоу, значит, все будет в соответствии с законами жанра.

– Миша, я вас не слышу!

И он ответил. Медленно и отчетливо, чтобы все слышали:

– В подсобных помещениях – труп. И он еще теплый.

К черту сантименты!

Следов насильственной смерти на теле Ирины Королевой не обнаружили. Михаил был прав: молодая женщина умерла от сердечного приступа, или, как говорят в таких случаях, «от разрыва сердца». Чего она могла так сильно испугаться здесь, в этом заброшенном коридоре, в перерыве между выполнением своих обычных обязанностей, никто сказать, разумеется, не мог. И лишь Михаил Некрасов немного пролил свет.

– Она была сильно взволнована с самого начала, – сказал он оперативникам, обследовавшим коридор. – Я это увидел сразу.

Мариша Садовская в стороне курила свои противные ментоловые сигареты. Весь коридор провонял дымом. Услышав последнее заявление экстрасенса, она стала прислушиваться.

– Что именно вы увидели? – спросил оперативник.

– Ну, как вам сказать... – Миша колебался. Менты, конечно, понимали, что находятся на съемочной площадке популярного шоу, но готовы ли они стать его участниками? Как им объяснить, что именно он увидел и почувствовал в тот момент, когда Ирина Королева появилась на сцене? Оперативник, молодой парень в кожаной куртке и джинсах, судя по выражению лица и некоторым внутренним предпосылкам, был лишен фантазии и вряд ли мог стать зрителем подобной программы. Сюда бы капитана Баранова с его святой верой в амулет с «водопродонной водой из Иерусалима»!

– Я некоторым образом психолог, – выкрутился Миша, – и могу видеть издалека. У нее был повышенный пульс, сильная потливость. Дрожали пальцы, срывался голос, и она постоянно оглядывалась. Ну, что еще...

– Достаточно, – сказал оперативник. Он был удивлен, но не более. – Зрение у вас прекрасное, молодой человек. Что-то конкретное можете сказать?

Михаил обиделся.

– Если вы дадите мне осмотреть труп, я скажу больше.

Оперативник опустил папку с листом бумаги, на который заносил показания.

– Еще раз, только медленнее.

– Я прошу дать мне возможность осмотреть труп. Я могу помочь.

Парень вздохнул, но ничего не сказал. Маришка Садовская затушила недокуренную сигарету в обрубке трубы, торчащей из стены, и поспешила на помощь.

– Можете ему поверить, командир, это наш контингент, поисковик. Он полчаса назад нашел карлика в ящике... Вы вообще смотрите наше шоу?

– Жена смотрит.

– Ну вот, позвоните жене и спросите.

– Не надо.

Старший лейтенант пригласил Мишу за собой.

«Куда я иду?» – подумал Михаил. Он только сейчас понял, что впервые в своей экстрасенсорной практике будет осматривать настоящий свежий труп. С давно умершими людьми, слетевшими с катушек, безумными или добрыми призраками он уже сталкивался, но над «парным мясом» еще не колдовал. Очевидно, сказалась сегодняшняя эйфория, в которой так или иначе пребывали все, кто добился хоть сколько-нибудь заметных успехов на шоу. Вот что делает с человеком свет телевизионных софитов и команда «пишем!».

Ирина Королева лежала у стены прямо под плакатом советских времен о вреде воровства. Вернее, изначально сидела, но в роковую минуту сползла на пол. Она замерла в позе телезрителя, прилегшего на диван для просмотра сериала.

– Господи, – не удержался Михаил.

Глаза женщины с лопнувшими капиллярами были открыты, полный ужаса взгляд был направлен в противоположную стену. Губы цвета протухшей в отключенном холодильнике курицы обнажали аккуратные зубки. Еще вчера эта женщина была полна жизни и здоровья и даже готовилась к чему-то грандиозному...

Михаил опустил голову и сделал несколько глубоких вдохов. Он не ожидал, что будет так скверно.

Справа неслышно подошла Садовская.

– Если разберетесь, я сделаю вас победителем шоу.

– Что?

Маришка посмотрела на него. Похоже, она успела всплакнуть. От «железной леди», какой она предстала на ознакомительной встрече, мало что осталось.

– Я говорю, *найдите его*... если тут кто-нибудь замешан, конечно... Забудьте, что я говорила про шоу.

Михаил кивнул: так-то лучше.

– Я могу подойти ближе? – спросил он у оперативников, которые в большом количестве сновали по коридору. Получив молчаливое одобрение, он сделал шаг вперед, присел на корточки перед телом. Вытянул руки ладонями вниз, начал играть пальцами. Закрыв глаза.

Все притихли. Даже скептически настроенный старший лейтенант отложил телефонный звонок и остановился неподалеку с зажатой в руке трубкой.

Михаил сидел около минуты, прислушиваясь к ощущениям. Поразительным открытием для него стало то, что он все еще чувствует Ирину как живого человека. Он даже открыл глаза, взгляделся в ее лицо.

– Она точно мертва?

– Не без этого, – фыркнул старлей.

Михаил вернулся к своему занятию. Ирина Королева действительно еще пульсировала в этом теле, будто пыталась вернуться, но это было уже не в ее власти. «Оставь, уходи, – мысленно произнес Миша. – Мне жаль, но все кончено»...

Ее ресницы дрогнули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.